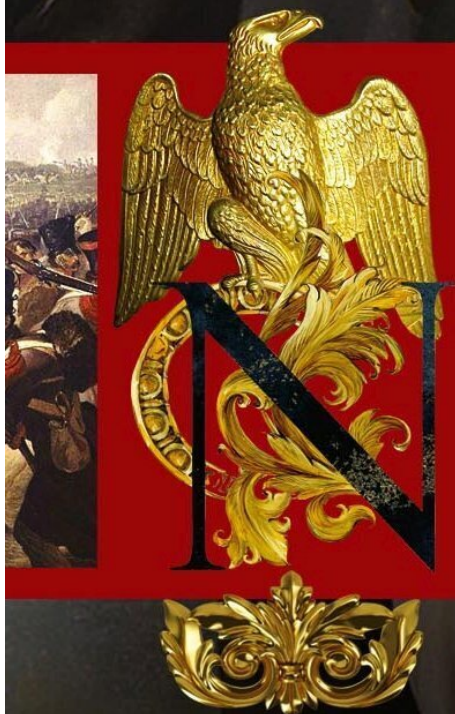

РОНАЛЬД ФРЕДЕРИК
ДЕЛДЕРФИЛД

Крушение Империи НАПОЛЕОНА

Рональд Делдерфилд

**Крушение империи Наполеона.
Военно-исторические хроники**

«Центрполиграф»

1969

УДК 94(44).05
ББК 63.3

Делдерфилд Р. Ф.

Крушение империи Наполеона. Военно-исторические хроники /
Р. Ф. Делдерфилд — «Центрполиграф», 1969

ISBN 978-5-9524-5804-8

В книге в хронологическом порядке рассмотрены события последнего года правления Наполеона, дан подробный анализ сильных и слабых сторон имперского режима, причин успехов Наполеона до 1812 года и его поражений в Испании и России. Описание сражений, карты-схемы и выдержки из документов того времени дополняют картину военно-политической обстановки в Европе и помогают воссоздать дух далекой эпохи. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(44).05
ББК 63.3

ISBN 978-5-9524-5804-8

© Делдерфилд Р. Ф., 1969
© Центрполиграф, 1969

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Рональд Фредерик Делдерфилд

Крушение империи Наполеона.

Военно-исторические хроники

Посвящается сэру Артуру Брайанту в знак дружбы и признательности за его неоценимый вклад в изучение истории этого периода

RONALD FREDERIC DELDERFIELD
Imperial SUNSET
The Fall of Napoleon,
1813-14

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2022

Крушение империи НАПОЛЕОНА

Глава 1

Казачи с Эльбы

I

В Северной Европе весну всегда ожидают с большим нетерпением, чем на теплом юге, но на Балтийском побережье ее никогда еще не встречали так радостно, как в 1813 году, ибо она несла с собой не только солнечный свет и короткие ночи, но и предвестие грядущих великих событий. Чувствовалось, что через несколько месяцев старинные ганзейские города вновь обретут свободу – ту уникальную личную и экономическую свободу, которой они с немногими перерывами пользовались с XIII века, когда возникла Ганзейская лига.

Но вот уже семь лет, со времени решительной победы императора Наполеона над пруссаками под Йеной, как города Ганзы – Гамбург, Любек и другие – вошли в состав расширяющейся Французской империи, которая теперь простиралась от Кадиса до восточной границы древнего Польского королевства, от Северной Германии до Мессинского пролива, отделявшего подвластное французам Неаполитанское королевство от Сицилии. Вследствие объявленной императором экономической блокады Великобритании такие города, как Гамбург, увядали, лишившись доходов от торговли разнообразными товарами: мехами, воском, медом и дегтем, а также поташем, древесным углем, пенькой, льном, зерном, солодом, шерстью, свинцом, оловом, треской и ворванью. Французские таможенные чиновники зорко следили за грузопотоком. Французский гарнизон жирел на местных налогах. Для контрабандистов наступило золотое время, а специальные торговые лицензии служили источником прибылей для многих французов и немцев, но контрабанда под зорким взглядом старых революционеров, таких, как маршалы Мор-тье и Брюн, была рискованным занятием, а лицензии можно было получить лишь за большие взятки. Стародавняя свобода продавать и покупать в больших количествах миновала, и гражданин Гамбурга уже не чувствовал себя привилегированной персоной в Европе с ее засильем алчных аристократов. Население города сократилось со ста двадцати до восьмидесяти тысяч человек, и горожане мрачно смотрели в будущее, когда курьеры из Парижа будут привозить указы, строго регулирующие размер прибылей, если таковые еще останутся. Пока континент оставался под властью Наполеона, гамбургцы не питали надежд на изменение незавидного положения, но, однако, в декабре 1812 года внезапно замаячили признаки резких перемен.

В течение всего этого месяца с востока приходили слухи, и самые поразительные из них неожиданно подтвердились, когда в городах на Балтийском побережье начали появляться кучки полубезумных оборванцев с красными кругами вокруг глаз и обмороженными ушами, медленно ковыляющих по снегу ногами, обмотанными окровавленными тряпками, а сани привозили калек, которые умирали в городских госпиталях и бараках. Бюргеры с изумлением смотрели на этих несчастных. Трудно было поверить, что это практически все, что осталось от Великой армии Наполеона, шесть месяцев назад состоявшей из полумиллиона человек шестнадцати национальностей и не далее чем в июне перешедшей Неман, вторгнувшись в пределы России.

Вслед за санями, привозившими беглецов, пришла уверенность, что Великая армия действительно уничтожена, и все, что осталось от величайшего из войск, топтавших европейскую землю со времен персидского нашествия на Грецию, – это несколько тысяч императорских гвардейцев и около десяти тысяч ветеранов, чьи решительность и опыт взяли верх над ужасной русской зимой, месяцами голода и пиками казаков, гнавшихся за ними пятьсот пятьдесят миль

по снегу. Для жителей ганзейских городов былая привольная жизнь внезапно оказалась совсем рядом – рукой подать. Ни один правитель, рассуждали они, не смог бы пережить такую катастрофу и сохранить достаточно власти, чтобы распоряжаться их жизнями с берегов далекой Сены. То, что они ошибались – по крайней мере, временно, – было не следствием их неразумности суждений, но свидетельством гениальности малорослого толстячка с большой головой и бледным лицом, который всего за четырнадцать дней проделал зимний путь от Сморгони на дальнем берегу Немана до своего дворца в Тюильри.

Среди первых, кто держал нос по ветру и почуял новые веяния, приходившие из России, был Гувьон Сен-Сир, эксцентричный маршал Франции, скрипач-любитель, чьи оборонительные таланты только что принесли ему возделенный жезл.

Сен-Сир, раненный при обороне Пултуска, покинул Россию до того, как французскую армию постигла худшая из всех бед, – когда морозы были терпимыми, а трагедия при переправе через Березину еще ждала в будущем. Как командующий гамбургского гарнизона, он имел под своим началом около трех тысяч имперских солдат и большое число таможенников. Когда до ушей Сен-Сира стали доходить все новые и новые слухи о приближении казаков, он решил отступить на запад. Причиной тому было вовсе не малодушие – трусы не попадали в верхние эшелоны наполеоновских армий, – а огромный военный опыт, подсказавший ему, что безнадежно с несколькими тысячами человек защищать огромный и настроенный враждебно город против армии русского царя. Кроме того, он не мог не принять во внимание и пробуждение военного духа пруссаков после семилетнего транса, – оно проявлялось в распространении патриотических песен поэта Корнера, в студенческих бунтах, в стычках с ночными разбойниками Лютцова, – а здесь, в Гамбурге, он сидел в изоляции посреди этого возрождения патриотического пыла, словно в центре циклона. Новости о разгроме французов подтверждались, разведчики доносили о появлении казаков у деревни Бергдорф, до которой было рукой подать, и Сен-Сир принял решение об эвакуации, пока еще есть время.

Как оказалось, это было безрассудным решением. У ближайшего казачьего атамана, полковника Теттенборна, было не более тысячи двухсот всадников, но Сен-Сир не мог этого знать. Каждый день на улицах и причалах старого города передавали рассказы об огромных русских армиях, движущихся к Эльбе, гоня перед собой помороженные остатки Великой армии, а перед глазами были живые свидетельства ужасной катастрофы, постигшей французское воинство. 12 марта 1813 года Сен-Сир незаметно ушел из города, оставив после себя политический вакуум.

II

Когда в 1944 году войска вермахта уходили из отдаленных провинций Франции, а союзники не торопились занимать позиции, занимаемые завоевателями с 1940 года, французы реагировали по-разному. Самые умные притаились и выжидали.

Осторожные оптимисты выходили из домов и бросали взгляды вдоль дорог – не идут ли американские «джи-ай» или британские «томми». Импульсивные вывешивали флаги и нередко вынуждены были снова прятать их, когда мимо проходили нацистские части, направляясь к Рейну.

Что-то похожее происходило в марте 1813 года в Гамбурге, но к несчастью для бюргеров отцы города попали под влияние смутьянов, которых возглавлял доктор фон Гесс, швед, русофил и англофил. Казачьему полковнику было отправлено открытое приглашение войти в город и поднять над Гамбургом флаги царя, прусского короля Фридриха и старинной Ганзейской лиги. Полковника Теттенборна снова и снова заверяли, что французы ушли, но стычки по пути из Москвы с железными воинами – маршалом Неем и маршалом Удино – научили его осторожности. Он не мог поверить, что боевой маршал Сен-Сир оставил важный город без

единого выстрела, и не спешил воспользоваться свалившейся на него удачей. Однако в конце концов он поверил, что его не заманивают в ловушку. Получив заверения, что городом будет управлять давно распущенный Сенат и что сенаторы в церемониальных одеждах устроят ему официальную встречу, он отдал приказ седлать коней и выступать. В четыре часа дня сорок косматых казаков въехали в город, который, к их огромному изумлению, встретил царских воинов как посланных Небом освободителей. Их ожидал такой прием, какого они не видели никогда прежде в своей неустроенной жизни. И все же это был только первый знак грандиозного праздника, устроенного Гамбургом для полковника Теттенборна и его бородатых кавалеристов.

Граждане старинного торгового города угождали казакам, будто те освободили их из тюрьмы. Казаков заваливали подарками, провизией и выпивкой. Знали бы жители казаков чуть лучше, они поняли бы, что такая щедрость будет понята неверно. Средний казак был законченным рубакой, если не сказать профессиональным разбойником, и всегда – и в своей стране, и за границей – сам добывал себе все, что хотел и в чем нуждался. Именно это, вдохновленные примером своего командира, казаки принялись делать в Гамбурге, и уже через несколько дней бюргеры задумались – вправду ли французская оккупация была самым худшим, что могло с ними случиться? Даже Сен-Сир, заплативший своим солдатам при выходе из города сто тысяч франков из муниципальной казны, забыл про почту, банки и учреждения, не распродал все, что попадало ему в руки, и не присваивал драгоценности и украшения горожан, но помимо алчности казаков вновь назначенный Сенат поражался и численности освободителей. В город не входили колонны русских гренадер, и даже эти тысяча двести казаков начали рассеиваться в поисках новой добычи в Любеке и других городах побережья. Через несколько дней в Гамбурге осталось не больше первоначальных сорока казаков, и отцов города начала тревожить проблема обороны в случае французского контрудара.

Вскоре было сформировано местное ополчение. Вместе с другими ганзейскими городами Гамбург собрал и снарядил корпус в десять тысяч человек, которые разместились на разрушенных укреплениях и на островах в окрестностях города. Новые войска получили название Отрядов Ганзейской лиги, но очень скоро они заслужили новое имя – «казаки с Эльбы». Набранные из низших классов города, сборище разгильдяев и бездельников, они всю пользовались открывшимися возможностями, и цена за освобождение от императорских войск и бюрократов с каждым днем понемногу росла. Между тем Сенат с радостью проводил полковника Теттенборна, подарив ему пять тысяч золотых фридрихсталеров и звание почетного гражданина города. Один наблюдатель заметил, что полковник обрадовался деньгам гораздо больше, чем почетному гражданству.

Новые слухи, дошедшие до Гамбурга, на этот раз с запада, были менее обнадеживающими. Похоже было, что Наполеон, отнюдь не удалившийся в Валгаллу, не желает править империей, ограниченной на западе Рейном – естественным рубежом Франции. Все время, пока Сенат чествовал полковника Теттенборна, донских казаков и казаков с Эльбы, французский император, судя по всему, упорно воссоздавал армию и сейчас направлялся на встречу с остатками своих батальонов на реке Заале. Слухи вскоре подтвердились достоверными фактами, весьма неприятными для граждан Гамбурга. К 1 мая новая французская армия с боями прорывалась по равнинам Саксонии к Дрездену, недавно занятому русско-прусской армией, и гамбургские сенаторы призадумались над разумностью опрометчивого гостеприимства, оказанного тысяче казаков из Бергдорфа.

Подстраховаться было нечем. Теттенборн и его кавалеристы все еще находились неподалеку, так же как и десять тысяч бездельников, нанятых Сенатом для защиты города. Но никто не верил, что эти силы спасут город от кары, так как поступили свежие сведения – с юго-запада приближается генерал Вандамм, а Гамбург помнил, что однажды Наполеон сказал об

этом офицере: «Если бы я потерял Вандамму, я бы отдал что угодно, чтобы его вернуть, но, если бы у меня было два таких генерала, я был бы вынужден одного расстрелять!»

Вандамм, в сущности, был самым закаленным генералом в императорской армии, и надежда на то, что он снисходительно посмотрит на недавнее поведение бюргеров, была ничтожной. Но это была не единственная угроза, нависшая над испуганным Сенатом. За Вандаммом, находясь в тесном взаимодействии с ним, шел маршал Даву – «железный маршал», жестокий солдафон; чтобы поколебать его преданность Наполеону, не хватило бы всех золотых фридрихсталеров в сундуках Гамбурга. И этот Даву был назначен новым губернатором города.

Оставалось только смириться. При первом взгляде на ветеранов Вандамму «казаки с Эльбы» бежали, и настоящие казаки последовали их примеру. Умчался полковник Теттенборн, увезя с собой седельные сумки с золотом, воспоминания о приятном постое и свиток, удостоверяющий его почетное гражданство. Вместе с ним отбыл швед, доктор фон Гесс, по совету которого русские заняли город. Свобода Гамбурга продолжалась лишь семьдесят дней.

Французы вернули себе город, не пролив ни капли крови. Колонна, состоящая в основном из союзных Наполеону датчан, заняла укрепления и важнейшие коммуникации. Поначалу никто не вспоминал о лихих пирах, которые Гамбург закатывал Теттенборну и его казакам, но горожане, в прошлом испытывшие на себе тяжесть руки Наполеона, знали, что этого вероломства им не простят. И вправду, еще 7 мая, даже до того, как город был снова занят французами, Наполеон отправил Бертье, своему начальнику штаба, все приказы, которые следовало передать Даву. «Он должен арестовать всех граждан Гамбурга, называвшихся «сенаторами»... пятерых наиболее виновных предать полемому суду и расстрелять. Остальных под сильным конвоем отправить во Францию, чтобы там заключить их в государственную тюрьму. На их собственность наложить секвест и объявить о ее конфискации; их дома, земельные владения и так далее отойдут во владения короны. Весь город разоружить, расстрелять офицеров Ганзейского легиона, а всех, кто служил в этом подразделении, послать во Францию, чтобы отправить на галеры».

И это была только часть наказаний, уготованных для города, устраивавшего для полковника Теттенборна веселые вечеринки. На Гамбург и Любек была наложена контрибуция в пятьдесят миллионов; намечались массовые аресты и высылка всех, кто каким-либо образом содействовал недолгой русской оккупации; город надлежало объявить на осадном положении, которое бы позволило гарнизону из четырех-пяти тысяч человек оборонять его от любых внешних или внутренних врагов.

Маршал Даву, сторонник жесткой дисциплины, тем не менее не проводил все эти репрессии с буквальной точностью, хотя наложенных им наказаний хватило, чтобы граждане Гамбурга с горечью вспоминали, с какой легкостью речистый шведский доктор фон Гесс убедил их открыть ворота казакам. С того времени, вплоть до отречения Наполеона в следующем году, Гамбург оставался в руках французов, а Даву не выпускал несчастный город из ежовых рукавиц, пока товарищ по оружию не убедил его, что отречение императора – свершившийся факт. Гамбург погрузился в угрюмое рабство, хотя трудно сказать, что было для города более губительным – поборы Даву или недолгое пребывание казаков Теттенборна.

Рассказ о том, что происходило в Гамбурге между 12 марта 1813 года, когда его оставил Сен-Сир, до конца апреля 1814 года, когда Даву окончательно убедился в падении Наполеона, интересен тем, что он иллюстрирует двусмысленную ситуацию, в которой оказались правители, города, общины, герцогства, княжества и даже такие крупные державы, как Австрия, в последний год наполеоновского владычества в Европе. Повсюду наблюдалось то же самое замешательство, те же самые муки двусмысленной лояльности, неуверенности в действиях, чему способствовали внезапные перемены и потрясения власти. Первоначально все это было следствием разгрома в России, но затем ситуация чудовищно осложнилась из-за упорства Напо-

леона и его поразительных достижений за четыре месяца между его бегством из России и бесплодными победами в Саксонии.

Ранней весной 1813 года большинство людей в Англии, Испании, Восточной и Центральной Европе считали, что силы французского императора иссякли, а его обширная империя находится на грани распада. Но они не приняли в расчет исключительную гениальность этого человека, не только военачальника, но и администратора. Их заблуждение в этом отношении стоило Европе миллиона жизней.

Глава 2

Радость в Лондоне

I

В начале 1812 года герцог Веллингтон, готовящийся нанести из Португалии удар по Мадриду и низвергнуть короля Жозефа, навязанного испанцам в 1808 году, обрисовал положение на континенте следующими словами: «Наполеон управляет половиной Европы прямо, а большей частью второй половины – косвенно». И это не было ни упрощением, ни преувеличением. Один лишь взгляд на карту подтвердил бы выводы герцога как непреложный факт.

Первые победы французских республиканских армий над европейскими самодержцами в последние десять лет XVIII века задали такой импульс, что Франция перешагнула через свои естественные границы задолго до того, как двадцатилетний артиллерист с Корсики поразил мир своими победами в Италии в 1796 году. После покорения Апеннинского полуострова отступать было нельзя. Применяя новые методы ведения войны, объединенные под началом гения, французские волонтеры маршировали от победы к победе, разбивая профессиональные армии старинных династий с такой же легкостью, с какой великан сметает со своего пути кегли. То, что им не удавалось завоевать силой оружия, они достигали пропагандой равенства, а враги Франции с трудом усваивали такой метод ведения войны и смирялись, хотя бы отчасти, с необходимостью соответствовать гигантским силам, высвобожденным Французской революцией.

Очень долго – не меньше пятнадцати лет – они цеплялись за тактику середины XVIII века и авторитарные принципы управления народами. Они не желали принимать факт, что война стала круглогодичным занятием и джентльменский обычай уходить на зимние квартиры устарел, напоминая в этом отношении упряжку старых кляч, состязающихся с молодым жеребцом, и за исключением пары крупнейших битв в исходе сражений никогда не возникало сомнений. Но неспособность старых правителей обучаться новой тактике военных действий была их не единственной и не самой главной ошибкой. Они не могли или не желали понять, что Французская революция и ее величайшее достижение – открытие дороги наверх по праву заслуг, а не по праву рождения – были международным событием колоссального значения, а вовсе не плодом крупномасштабного бунта, поднятого чернью в трущобах Парижа. Их наемные и рекрутированные солдаты большей частью сражались без всякого энтузиазма и без каких-либо перспектив политического или материального вознаграждения. В бой они отправлялись по королевскому приказу, и страха перед расстрелом или поркой, хватавшего, чтобы они не покидали своих позиций, было недостаточно, чтобы они сражались на равных с французами, которых питала надежда участвовать в общем триумфе и которые могли рассчитывать на самые высокие должности в своей новой профессии и на долю в добыче, доставшейся победителям. В армиях Наполеона были люди, за десять лет превращавшиеся из крестьян и подмастерьев в герцогов. У французов не было ничего, похожего на муштру в армиях Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых или даже англичан, у которых социальная структура была не менее жесткой. Именно это, так же как талант их вождя, объясняет победы под Маренго, Ульмом, Аустерлицем, Йеной, Ауэрштедтом, Фридландом и Ваграмом.

К 1809 году, однако, самодержцы пусть медленно, но кое-чему научились. До того момента французы сражались против наследственных правителей и властей, но война в Испании все изменила. Закаленные наполеоновские войска с такой же легкостью били фанатичных испанских крестьян, как и австрийских и прусских рекрутов, но победа над ними не означала конца войны или хотя бы кампании, как произошло в 1800 году после Маренго и в 1806

году после Йены. Испанцы продолжали сражаться в горах, на труднодоступных перевалах, в грязных деревушках Арагона и Леона. Оставшиеся в живых всегда могли примкнуть к вымуштрованным отрядам человека, который был пусть не гением, но весьма компетентным и оригинальным стратегом и мог неожиданно воспользоваться выгодами и преимуществами местности так же успешно, как сам Наполеон.

Но в 1808 году, когда произошли первые столкновения между испанцами и французами, все это предстояло в непредсказуемом будущем. Должно было пройти более четырех лет, прежде чем самые дальновидные разглядят волну национализма, поднявшуюся от Кадиса до Санкт-Петербурга, от Хукван-Холланда до «каблука» Италии. Ибо все четыре года эти обширные земли оставались покорными воле императора. Единственная серьезная попытка изменить ситуацию, предпринятая австрийцами в 1809 году, закончилась так же, как все предыдущие попытки, – поражением в генеральной битве и миром на условиях, продиктованных победителем.

Лишь летом 1941 года, через сто двадцать лет после смерти Наполеона на острове Святой Елены, европейцы получили новую возможность узнать, чего может достичь один человек и один народ сочетанием грубой силы и вероломства. Но тем не менее, если мерить на квадратные мили, завоевания Наполеона превосходили завоевания Гитлера и, более того, имели под собой более здравую основу и были прочнее сконсолидированы. К июню 1812 года, когда Наполеон готовился перейти Неман и вторгнуться в Россию, под его властью находился почти весь континент. Собственно империя простиралась от ганзейских городов до Западных Пиренеев, и от франко-испанской границы на юге до прозрачной границы между Итальянским королевством и Неаполитанским королевством, находившимся под властью Франции. В ее состав были включены также Западные Балканы, и французские таможенные посты на юге граничили с передовыми постами старой Османской империи. Испания, управляемая Бонапартом, была оккупирована 300-тысячным войском ветеранов. Все, что ныне известно как Западная Германия¹, представляло собой конфедерацию государств, во главе которых стояли назначенные Парижем марионетки, вносившие деньги во французскую казну и поставлявшие солдат для французской армии. Большая часть нынешней Польши, освобожденная от российского владычества и носившая название Герцогства Варшавского, зависела от Франции, хотя последней не приходилось ни угрожать, ни лстить ее жителям, поскольку поляки почти все до единого были ее верными союзниками. Австрия лежала попранная после множества попыток взять верх над империей. Армия Веллингтона не давала французам покоя в Испании, но без нее с испанским сопротивлением было бы покончено в течение нескольких недель, и даже Веллингтон был вынужден отступить, не успев воспользоваться плодами крупной победы под Саламанкой. Голландия входила в состав Французской империи, Дания была ее союзником, а шведы только что выбрали себе в кронпринцы французского маршала. Во всей Европе оставалось только два источника беспокойства для Наполеона: Великобритания, которая вела упорные бои в одной стране и финансовые баталии повсюду, и необъятная Россия, царь которой правил миллионами неграмотных крестьян. За двумя этими исключениями, ни одно из которых в тот момент не представляло особой опасности, зачинщику революции никто не угрожал и не мог угрожать. Всеевропейская империя была создана за шестнадцать лет. И еще через двадцать два месяца ей суждено было развалиться.

Патриотический подъем испанской войны, начавшийся в 1808 году и не ослабевавший до 1814 года, повторился в 1812 году в России в гораздо больших масштабах. Здесь ветеранские части Наполеона снова столкнулись с врагом, которого им не удалось принудить к генеральному сражению. После коротких, безрезультатных стычек враг растворялся среди беско-

¹ Первое издание книги Делдерфилда вышло в 1968 г. второе – в 1984 г.; Германия еще существовала в виде двух государств. (Примеч. ред.)

нечных березовых лесов, но тут же снова возникал на флангах, готовый убивать отставших, нападать на конвои и, самое главное, опустошать окружающую страну, от которой вплоть до конца XIX века зависело выживание армии.

Великая армия не была побеждена в бою, и не тридцатиградусные морозы привели ее к гибели. Ее победили гигантские просторы России и такие генералы, как Кутузов, умело использовавшие преимущества географического положения. На всем долгом пути от прусских гарнизонных городов до Смоленска были построены склады с продовольствием, но армия, снабжение которой осуществлялось обозами и гуртами скота, не могла пользоваться этими складами, если не были свободны соединяющие их дороги, а для охраны столь длинного пути Наполеону требовалось не полмиллиона, а целых два миллиона человек, так как он находился в стране, где силы врага прибывали в прямой пропорции с его собственными потерями. Запланированная им стратегия оправдывала себя до тех пор, пока он не вошел в Москву, но промедление в этом сожженном городе оказалось губительным для его коммуникаций. К тому времени, как он был готов выступить, коммуникации оказались перерезанными. Звенья в былой 550-мильной цепи сократились до оккупированных французами островков. Склады были разграблены, конвои погибали при нападениях казаков и просто грабителей, скот разбегался или распродался налево, и через несколько дней в отступающей армии начался голод. Мороз лишь довершил то, что начали расстояния и патриотический пыл россиян. Побитая колонна уходила на запад, в белую пустоту, и самым удивительным в этом отступлении из Москвы было то, что хоть кто-то из французов или союзнических контингентов уцелел и в середине декабря ушел за Неман. Ни одна другая европейская армия того времени не могла бы сохраниться как единое целое после катастрофической ноябрьской переправы через Березину.

Таким образом, московская кампания стала крупнейшим военным поражением, но не только: политическое поражение было еще более тяжелым, так как был развеян миф о непобедимости французов, и в Пруссии, Австрии и некоторых восточных немецких государствах ожил почти полностью было испарившийся патриотизм, а это в конечном счете внесло больший вклад в финальную победу над Наполеоном, чем физические потери на обледенной дороге между Можайском и Ковно.

Остатки Великой армии вползли в прусские гарнизонные города в последние дни 1812 года: около десяти тысяч человек, способных носить оружие, и втрое больше полумертвых инвалидов, которые со временем поправились. Командовал ими совершенно не способный решать такие задачи Иоахим Мюрат, король Неаполитанский, зять императора, за семнадцать лет совершивший восхождение от казарм до трона. Мюрат, один из самых отчаянных кавалерийских командиров в истории войн, среди уцелевших был самой неподходящей кандидатурой для должности, требовавшей изобретательности, терпения и непоколебимой веры в будущее. Воинское искусство Мюрата ограничивалось умением управлять большими массами хорошо экипированной кавалерии. Он никогда за всю свою жизнь не обладал хотя бы малой толикой терпения, а его вера в будущее Наполеона погибла в снегах к западу от опустевших складов в Смоленске. В Неаполе его жена, беспринципная Каролина Бонапарт, уже замышляла предательство, и ее эгоистичное намерение удержать неаполитанский трон – даже если ее брат потеряет свой – было нерешительно одобрено Мюратом перед тем, как прошлым летом он выехал из Неаполя на встречу с Наполеоном. Из них двоих муж заслуживал большего доверия, однако нелегко найти оправдание профессиональному солдату, который своим положением был всецело обязан храбрости своих подчиненных, но бросил их на произвол судьбы, как сделал Мюрат в январе 1813 года. Не желая заниматься собиранием остатков армии, он передал командование принцу Эжену, пасынку Наполеона и вице-королю Италии, и отправился в Неаполь, заявив, что болен. Больной или здоровый, он проделал долгий путь почти за рекордное время и сразу же продолжил плести заговор вместе с женой; их интриги строились на возможности падения Наполеона в течение двенадцати месяцев.

Эжену, единственному сыну Жозефины от ее предыдущего брака с Александром де Богарне, шел тридцать второй год, когда он получил самое трудное и неблагодарное назначение в своей военной карьере. Интеллигентный, задумчивый, учтивый и очень храбрый, он был одним из самых ценных помощников своего отчима. Его преданность империи прошла через жестокое испытание, когда его мать по государственным соображениям уступила свое место девятнадцатилетней эрцгерцогине. С детства воспитанный как солдат, он остался солдатом до самой смерти и сквозь паутины заговоров проходил без рисовки и не думая о том, что он может получить или потерять, изменив своему повелителю. Он заслужил почти уникальную репутацию преданного и доблестного воина, что никогда не проявлялось более явно, чем зимой 1812/13 года. Без всяких жалоб он приступил к задаче реорганизации и, принимая во внимание крайне незавидные обстоятельства, за то короткое время, что было в его распоряжении, достиг очень многого. Серьезную помощь ему оказывал маршал Макдональд, флегматичный и невезучий офицер, которого документы того времени также представляют человеком чести и здравого смысла. Макдональд советовал немедленно покинуть восточные пределы империи, отозвать гарнизоны с пути наступающих русских и сосредоточить силы на Одере, а если это не удастся, еще западнее, на Эльбе. Наполеон не воспользовался этим превосходным советом, и к середине лета ему пришлось очень жалеть об этом.

Мнение Макдональда почти наверняка сложилось вследствие его недавних испытаний на северном фланге Великой армии, где большая часть немецких вспомогательных сил под командованием генерала Йорка уже дезертировала, поставив его в очень сложное положение при отступлении из России. Сохраняя хладнокровие и быстро передвигаясь, он спасся вместе с остатками своего корпуса, дойдя 28 января до Тильзита*. К тому времени дезертир Йорк, чей повелитель Фридрих Вильгельм Прусский по-прежнему номинально числился в союзниках Наполеона, уже два месяца вел переговоры с русскими. В тот день, когда французы ушли за Неман, он подписал в Тауроггене перемирие с представителями царя.

Так обстояли дела в северо-восточных пределах обширной лоскутной империи в первые дни года, ставшего одним из решающих в новой истории. Дальше к югу, где с южной границей Герцогства Варшавского соприкасались владения Габсбургов, ситуация была еще более напряженной с точки зрения Парижа. На севере, по крайней мере, оставались какие-то силы сдерживания и два французских командира, достойные доверия. Но на юге, где Наполеон надеялся если не на верность, то на нерешительность своего тестя, императора Франца, замаячила угроза, которая будет день за днем возрастать, когда зима сменится весной.

Когда более шести месяцев назад в начале русской кампании Великая армия наступала огромной дугой, ее северный фланг прикрывали Макдональд и соединенные франко-немецкие силы. Южный конец дуги опирался на корпус, состоящий только из австрийцев, не лучших воинов даже в лучшие времена и почти бесполезных на службе у человека, который неоднократно бил их, начиная с итальянских кампаний 1796 года.

Ими командовал опытный воин, граф Шварценберг, чья верность Наполеону была еще более сомнительной, поскольку Шварценберг был искренним патриотом Австрии, что и подтвердил во время русской кампании, отказываясь вести свои войска в бой и даже пропустив через свою территорию русские подразделения, идущие на соединение с армией Кутузова. Наполеон осознавал возможность предательства на этом фланге, но у него не было выбора: и тогда и потом приходилось лишь закрывать на это глаза. Правда, Шварценберг находился в пределах досягаемости верных поляков, но из Польши еще прошлым летом были забраны все боеспособные люди, а финансы Герцогства Варшавского не позволяли собрать новую армию. Австриец же был кем угодно, только не безрассудным человеком. Возможно, благодаря своей осторожной натуре, возможно, вследствие советов из Вены, где канцлер Меттерних уже настроился на выжидательную игру, австрийский военачальник не совершал никаких агрессивных действий против французов и их союзников, а продолжал делать то, что делал

последние семь месяцев. Он ждал и наблюдал, как тысячи казаков – авангард царской армии – пересекали Неман и входили в Польшу. Только когда 6 февраля они стояли у ворот Варшавы, он совершил первый решительный шаг – тихо, без единого выстрела, отступил во владения своего повелителя. Юго-восточный фланг Французской империи лишился прикрытия.

II

В месяце езды на запад, в сердце Пиренейского полуострова, наступление нового года не принесло радости королю Жозефу, обрюзгшему бонвивану и полному ничтожеству, которого семейные связи вознесли сперва на трон Неаполя, а затем на трон Испании.

Жозеф, который мечтал всего лишь стать сельским помещиком с одной-двумя послушными любовницами, в 1808 году со страшной неохотой отправился в Испанию. Чем дольше он носил корону Бурбонов, тем сильнее она его угнетала. Менее амбициозный, но более дальновидный, чем его ужасный брат, он предвидел, что добиться верности испанских крестьян, гордой знати и непримиримых священников будет нелегко. Испанию, погрузившуюся после великой эпохи Филиппа II в апатию, оказалось нетрудно завоевать – но невозможно умиротворить.

Французские армии, состоявшие почти поровну из ветеранов и рекрутов и возглавлявшиеся одними из самых талантливых военачальников того времени, заняли огромные пространства, но в стране, разделенной горными хребтами и имеющей лишь одну широкую мощеную дорогу, каждое подразделение превращалось в независимый остров, управлявшийся своим боевым командиром, ни один из которых не обращал ни малейшего внимания на эдикты мадридского короля Жозефа. Его приказы чаще всего просто не доходили до армейских лагерей, гонцы попадали в засады на горных перевалах и погибали от рук партизан, действовавших по обеим сторонам дорог. Тем, кому повезло, просто перерезали горло. Несчастных, попавших в плен, варили в масле, распинали на деревьях или заваливали камнями, обрекая на медленную смерть с переломанными костями. К концу 1812 года требовался отряд в пятьсот человек, чтобы доставить сообщение из штаба одного корпуса в другой. Время от времени из Парижа прибывали детальные предписания, как вести войну в Испании, но они всегда опаздывали на пару месяцев. Новости о том, что происходит на полуострове, доходили до французских маршалов через трофейные английские газеты.

Весной 1812 года Веллингтон, выступив со своей португальской базы, одержал под Саламанкой решительную победу над маршалом Мармоном, старейшим другом императора, и с триумфом вошел в Мадрид. Король бежал в Бургос, но Веллингтон вскоре столкнулся с серьезными трудностями, и после отступления англичан Жозеф осторожно вернулся в столицу. Однако анархия нарастала с каждым днем. Две колонны французов отправились в горы на охоту за некоторыми наиболее опасными партизанскими отрядами. Еще одна французская армия, под командованием Сюше, оккупировала Каталонию и Валенсию, где Сюше стал править как независимый король. В других территориях полуострова были разбросаны более мелкие части – в основном они скапливались на северо-западе, где проходила единственная реально проезжая дорога во Францию.

Из всех наполеоновских командиров, воевавших в Испании, лишь Сюше сумел улучшить свою репутацию. Сын торговца шелком, он был не только талантливым воином, но и администратором высшего уровня. Наполеон на острове Святой Елены признался: «Если бы у меня было два Сюше, я бы удержал Испанию». Но у него не было второго Сюше, а только маршал Сульт, который, как главнокомандующий испанскими армиями, обращал еще меньше внимания на короля Жозефа, чем его подчиненные. Сульт, одно время надеявшийся занять португальский престол, имел репутацию крупного военачальника, но его таланты лежали в сфере обороны, а испанская земля и дух измотали и нанесли позорное поражение даже маршалу

Массене, самому блестящему из наполеоновских маршалов, который так выразился об этой стране: «Маленькая армия здесь гибнет, а большая умирает с голоду!»

Раздраженный стойким сопротивлением испанцев, расстроенный угрюмым неприятием его чистосердечных попыток улучшить положение испанских жителей и втащить их в XIX век, доведенный до отчаяния наглостью и эгоизмом людей, обязанных поддерживать его власть, Жозеф надеялся лишь на то, чтобы Наполеон согласился на его многочисленные просьбы об отставке. Но парижские курьеры везли ему лишь послания, полные придиорок и критики, и бесконечные запоздалые советы.

Затем, 6 января 1813 года, прибыла важная новость в виде знаменитого бюллетеня номер 29, выпущенного по дороге в Вильно, – прокламации, погрузившей Францию в траур своей горькой правдой о судьбе Великой армии. Еще через пять недель Жозефу довелось услышать рассказ об отступлении из уст уцелевшего очевидца. Для него это не могло не служить подтверждением, что его трон готов рухнуть под тяжестью дальних и близких катастроф.

Лишь одно слабое утешение содержалось в последних донесениях. Маршала Сульта отзывали во Францию, а вместо него в качестве главного военного советника прибыл дружеский и менее амбициозный маршал Журдан, старый республиканец, заслуживший репутацию своей победой под Флерюсом за два года до того, как Европа услышала о Наполеоне Бонапарте. Было очевидно, что весной британско-португальская армия перейдет в наступление, а весна была на пороге. Всем французским командирам были разосланы приказы сосредоточиться в Мадриде, где под началом Жозефа находилось около пятнадцати тысяч солдат. Если полководцы подчинятся и не станут медлить, оставалась надежда удержать западный бастион империи.

III

Эжен отступает по Северной Германии, уход Шварценберга открывает восточноевропейскую границу, в Испании – панические попытки крупномасштабных оборонительных мер. Какими были перспективы империи на юге, подвластном королю Мюрату, и в центре с его сборищем сатрапов, включавших и младшего бесшабашного брата Наполеона, Жерома?

Уже упоминалось о предательстве, которое замыслили Мюрат и его жена Каролина. Когда под весенним солнцем в Неаполе зрели апельсины и лимоны, иные из дворцовых заговоров начали обретать плоть, и общее состояние дел в Южной Италии не благоприятствовало человеку, посадившему Мюрата на трон. Уже больше года королева Каролина с тревогой смотрела в будущее. Узнав о случившемся в России, она убедилась, что империя на грани краха. Воссоединившись, король и королева удвоили свои усилия договориться с австрийцами, их ближайшими потенциальными противниками, если не считать английские корабли, стоявшие у оконечности Италии, и Каролина оказалась энергичной заговорщицей.

Между Неаполем и Веной завязалась оживленная переписка, послания иногда встречались в пути, и общие перспективы на достижение согласия казались многообещающими, поскольку в интересах канцлера Меттерниха было добиться нейтралитета короля Неаполитанского при грядущем наступлении союзников на Эльбе. Мюрату и Каролине делали намеки, что им оставят трон на определенных условиях, а кроме намеков, Каролине ничего не было нужно. Она, в отличие от своего мужа, не видела, как ее брат в пятидесяти боях обращал поражение в победу, и не имела истинного понятия о том, чего он способен добиться со своей колоссальной энергией или как уверенно и быстро он может воспользоваться мимолетной оплошностью врагов. Мюрат, слушая донесения своих шпионов (дворец кишел шпионами, и некоторые из них служили сразу четырем хозяевам), все еще колебался, но его жена, упрекая его в трусости, вела секретную кампанию со все большим размахом. Затем пришел приказ Наполеона прибыть в армию, и Мюрат подчинился, может быть, по привычке, может быть, от страха, или, весьма

вероятно – ибо он не был испорченным человеком, – чтобы избавиться от влияния своей абсолютно беспринципной жены. Медленно и угрюмо он ехал на север. По пути ему вручили новое письмо из Вены, но оно было зашифровано, и он переслал его в Неаполь на расшифровку. Судя по всему, заговорщик из него был никакой. В письме подтверждалось обещание австрийцев поддержать его претензии на трон после того, как в грядущей войне Французская империя будет расчленена победителями.

Если в Неаполе той весной будущее казалось сомнительным, то в столицах всех марионеточных государств это сомнение удваивалось. Преданность делу Наполеона можно было измерять расстоянием между немецкими столицами и Парижем, и призывы к войне прокатились по Европе подобно барабанному бою, громкому вблизи и затихающему вдали. Все германские государства, чьи границы через несколько дней могли перейти казаки, выказывали самую теплую доброжелательность царю и прусскому королю. Западнее этой полосы разочарования немецкие граждане проявляли осторожность и ждали развития событий. Однако на территориях ближе к Парижу не наблюдалось ни неповиновения, ни осторожности. Сомнения их правителей заглушались жесткими императорскими приказами присылать людей и деньги, и все, как один, они подчинились требованиям, как подчинялись с тех пор, как шесть лет назад Великая армия за двадцать один день уничтожила прусскую армию. Лишь король Саксонский без колебаний изъявлял преданность своему другу Наполеону и оставался верен ему до самого конца. Впрочем, его подданные, оказывавшиеся на пути русской армии, имели другое мнение и приветствовали пришельцев с тем же энтузиазмом, с каким встречали казаков жители Гамбурга.

В Касселе, крохотной столице обанкротившегося королевства Вестфалия, Жером Бонапарт надеялся, что идет по пути славы, но жизнь марионеточного короля оказалась чрезвычайно утомительной. Из его державы были выведены все войска, казна опустела, а долги, и личные и муниципальные, были огромны. Подобно Жозефу, он получал от брата грозные письма с советами. Одно из них требовало привести в порядок укрепление королевства, но Жером не знал, как это сделать, если нет денег, чтобы платить землекопам и каменщикам. В ответном письме он выказал опасения за собственную безопасность, и, получив после этого новое яростное послание, припоминающее ему все его недостатки как солдата, Жером сквитался, похитив два свеженабранных эскадрона французских кавалеристов, оказавшиеся в тот момент на его территории. Кавалеристы были зачислены в его телохранители, а полковник Марбо, которому стоило огромных усилий вымуштровать их, так разозлился на это назначение, что сохранил презрение к младшему брату Наполеона до конца жизни.

При новостях об укреплении русско-прусского союза по всей Западной Германии прокатилась волна перемен и колебаний. Известия о приближении казаков поставили вюртембержцев, рейнландцев, вестфальцев, баварцев, гессенцев и бранденбуржцев перед лицом трех возможностей. Какую из них выбрать? Сохранить верность Франции, сделав ставку на военный гений Наполеона? Присоединиться к патриотической истерии, царящей на востоке, и встать в ряды освободителей Европы? Или последовать примеру шведского кронпринца, который, судя по его последним поступкам, лучше всех жителей континента умел ходить по канату нейтралитета, в то время как всем прочим приходилось спрыгивать на ту или иную сторону. Ведь даже сейчас Бернадот, в прошлом старший сержант у Бурбонов, позже маршал Франции, еще позже наследник шведского престола, в своей столице Стокгольме не торопился принять решение. Он до сих пор сравнивал в уме относительную ценность Померании, обещанной ему Наполеоном, Норвегии, обещанной царем, и денег, обещанных англичанами.

Гамбург, Любек, Дрезден, Берлин, Штутгарт, Франкфурт, Вена были охвачены сомнениями, колебаниями и нерешительностью. В Неаполе родственники императора замыслили предательство. Мадрид пребывал в тревоге. И только в Санкт-Петербурге и в лагере Веллинг-

тона царили спокойствие и уверенность. В Лондоне, где банкиры финансировали войны против Франции еще с тех пор, как Людовик XVI был осужден и казнен своими подданными, наблюдался такой оптимизм, какого еще не знало это поколение. Ликующий возглас «Таймс»: «Он гибнет! Гибнет!» – еще не раздался, но остальные издательства обрушили на публику поток фельетонов и карикатур, объявляющих, что свержение корсиканского людоеда – дело решенное.

Нигде профессия фельетониста и карикатуриста не расцветала более пышно, чем в Лондоне в первом десятилетии XIX века. Это был зенит рисованной сатиры, имевшей своей единственной темой французского императора и его братьев. Живые, гротескные и зачастую восхитительно вульгарные карикатуры того времени дают нам яркое представление о том, как средний англичанин представлял себе традиционного врага. В самонадеянности и лихости этих карикатур можно разглядеть отблески Креси и Азинкура. Самого императора изображали в каком угодно обличье – пьяницы, распутника, вампира, сатира, хищного адского чудовища, поедающего человеческое мясо. С гигантской задранной головой, выпирающим животом и тоненькими ножками, он бросает злобные взгляды с попираемой им карты Европы, бесчеловечный, неумолимый и безжалостный, олицетворение мирового зла и разрушения, и слова, срывающиеся с его губ, неотделимы от его облика. Его сапоги со шпорами топчут поверженный, измученный континент, а вокруг него, в самых раблепных позах, сгрудились его братья, маршалы и сатрапы. На заднем плане, гораздо чаще, чем они бежали в панике перед сомкнутыми рядами армии Веллингтона, толпятся пехотинцы в синих шинелях, люди, с 1796 года входившие почти во все европейские столицы. Человек среднего возраста из нашего поколения увидит в этой яростной газетной кампании нечто знакомое. Разглядывая любую из этих карикатур, несложно обнаружить в них источник вдохновения для их прямых потомков, во множестве появлявшихся в газетах и журналах в 1914–1918 и 1939–1945 годах, когда в главных извергах оказались кайзер Вильгельм и его сын «малыш Вилли», Гитлер и Геринг. Великобритания, единственная из врагов революции, которая не прекращала сопротивления наполеоновским завоеваниям в Европе, так и не потеряла веру в уязвимость Франции перед морской блокадой и в силу золота, покупающего новых союзников. За двадцать лет, прошедших между смертью благонамеренного Людовика и появлением казаков в городах Ганзы, в англо-французских войнах случился лишь один короткий перерыв, и то большинство англичан считало его не более чем перемирием. Бесконечная кампания порождала колеблющихся, находились даже влиятельные люди, считавшие, что Наполеон Бонапарт может внести важный вклад в развитие западной цивилизации, но это меньшинство умолкло, когда Великая армия встала в 1805 году на берегах Ла-Манша, готовясь нанести тройной удар по Суссексу, острову Уайт и устью Темзы.

Война возобновилась. Британия открыла казну, подпитывая гинейми зависть и обиду континентальных династий. Брест, Гавр и Тулон были блокированы непобедимым флотом из трехпалубных линкоров и фрегатов, управляемых лучшими в мире моряками, но с командой, состоявшей по большей части из насильно завербованных людей, питавшихся объедками и таинственным образом превращавшихся в опытейших матросов при свисте плетки-девятихвостки или посулах на щедрую добычу. Где бы на континенте ни возникала угроза, англичане всегда оказывались поблизости на море – наблюдая, выжидая, провоцируя, но за четыре последних года они сделали и многое другое. Небольшая, но отлично вышколенная британская армия на Пиренейском полуострове встречалась с ветеранами Аустерлица и Фридланда и била их, выступая из Португалии при любой возможности и отходя за неприступные укрепления вокруг Лиссабона, когда перспективы на победу в поле были невелики. Благодаря этой армии португальцы не только сплотились, но и создали собственные превосходные войска, а

за приграничными португальскими крепостями могли собираться и вновь идти в бой остатки разбитых испанских армий.

И все же, несмотря на непрерывные успехи союзников, Пиренейский полуостров не имел большого значения в борьбе за Европу. Во-первых, он был слишком удален от мест главных сражений. Во-вторых, занятые здесь силы были слишком малы, чтобы существенно влиять на войну, в которой участвовали семь крупных держав и множество мелких государств. Ключ, открывающий врата Парижа, следовало искать не в Лиссабоне, не в Лондоне и не в Санкт-Петербурге. Его надлежало увезти на запад из тронного зала Фридриха Вильгельма, короля Пруссии.

Без активной поддержки Пруссии армии царя Александра не могли надеяться пройти далеко за Эльбу; если Пруссия не выступит, Австрия, неоднократно разбитая в прошлом, продолжит выжидательную политику, принц Бернадот в Стокгольме не изменит своему нейтралитету, небольшие германские государства не захотят испытывать судьбу, а покинувшие Францию в дни Террора аристократы – пенсионеры и нищие – будут по-прежнему играть в вист на британских водах, зарабатывая на жизнь уроками языка и фехтования. Весной 1813 года ключ находился в Пруссии, и врагов Наполеона волновал вопрос – хватит ли Фридриху Вильгельму храбрости воспользоваться им и последовать примеру своей покойной жены Луизы, чей патриотизм вдохновил Пруссию в 1806 году на борьбу за свободу – и она же сказала слова, ставшие эпитафией к этой катастрофе: «Мы почтили на лаврах Фридриха Великого».

Несмотря на подъем национализма в России, да и по всей Германии, роковое решение принять было трудно. Король, личность ничтожная, помнил об ужасном уроке, преподанном ему в 1806 году, благоговел перед величием репутации Наполеона и, помимо прочего, лишился источника вдохновения, каким была для короля его героическая жена. Однако он не мог бороться с быстро нарастающей силой обстоятельств. По всему королевству усиливалось давление снизу – со стороны студенческих корпораций, амбициозных военачальников – типа Гнейзенау и Шарнхорста, молодых авантюристов из секретной армии графа Лютцова, практиковавшей ночные убийства, закаленных старых воинов вроде Блюхера, настолько ненавидевшего Наполеона, что всякий раз, как произносилось имя французского императора, ему в голову ударяла кровь; и в первую очередь – со стороны барона Штайна, повивальной бабки пангерманизма.

Из всех людей, выступавших в тот момент против Франции, барон Штайн был самой интересной и наверняка самой решительной и целеустремленной личностью. Высланный в 1808 году как угроза для безопасности Пруссии, он сперва направился в Вену, а потом в Санкт-Петербург, где стал другом и советником царя. Решительный, страстно любящий германские пейзажи и родные традиции и культуру, честный, неподкупный, не заботящийся о личной безопасности и с неизменной решительностью выступающий за объединение и независимость Германии, Штайн стоял как скала посреди всех тревог французского вторжения в Россию. Когда царь был готов идти на переговоры, именно Штайн советовал ему не обращать внимания на взятие Москвы и оставить завоевателей на милость климата. И сейчас, когда Французская империя съеживалась день ото дня, он увидел, подобно проблеску света в конце длинного туннеля, надежду на освобождение. Он терпеливо сплетал паутину восстания, не обращая внимания на махинации политиков типа Меттерниха, и презирал трусость своего государя. В декабре он писал: «Моя единственная родина – Германия. Династии мне безразличны в этот час великих свершений». Сейчас, когда настал момент для согласованных действий, Штайн покинул своего друга царя и поспешил в Бреслау – требовать от Фридриха Вильгельма решительных поступков.

Государства Восточной Германии уже проводили мобилизацию. Тайные общества перестали быть тайной. Всем боеспособным людям в возрасте от семнадцати до двадцати четырех лет выдавали оружие. Женщины обращали свои украшения в деньги на военные расходы. В

Бреслау профессор Штеффене призвал студентов своего университета к оружию, и его призыв был услышан горячими молодыми людьми из Берлина, Кенигсберга, Йены, Халле и Геттингена. Вскоре благоразумие Фридриха утонуло в этой волне патриотизма. 1 марта он встретился с царем, 17 марта издал королевскую прокламацию, в которой созывал армию и формально объявлял войну. К 19 марта его призывы дошли до Рейна, а Штайн получил полномочия разработать новые правительственные структуры для всех освобожденных территорий. Германия, опираясь на победоносную армию русского царя, выступила в поход. Ключ к воротам Парижа, наконец, оказался в кармане Пруссии.

Однако войну нельзя выиграть только студенческими песнями и прокламациями. Да и гения наполеоновского масштаба не свергнешь силами патриотов-новобранцев, какую бы храбрость и жертвенность они ни выказали под огнем. Кроме денег и опытных войск, требовался и вождь, способный встать рядом с величайшим военачальником эпохи, и в этом заключалась одна из основных слабостей коалиции. Кутузов, «старый северный лис», как называл его Наполеон, умер в апреле. Он всегда выступал против похода в Европу и удовольствовался бы тем, что все до единого французы убралась обратно за Неман, но ужасное напряжение между июлем и декабрем 1812 года оказалось фатальным для старика, и место главнокомандующего русской армией занял Витгенштейн, намеренный вести войну за границами России.

Витгенштейн, в отличие от многих русских генералов того периода, сочетал решительность с осторожностью. За долгое отступление русских армий предыдущим летом частичную ответственность несло напряженное соперничество двух школ военной мысли. Барклай-де-Толли, командовавший центральной русской армией, придерживался веллингтоновской тактики выжженной земли, заманивая французов все глубже и глубже в опустошенную страну. Багратион, его соперник, выступал за наступательные действия, надеясь вырвать зубы у захватчиков и заставить их вернуться назад в Герцогство Варшавское. Кутузов, сместивший обоих командиров на полпути к Москве, продолжил отступление, но поддался искушению остановить французов в Бородине. В этом кровопролитном сражении его армия понесла ужасающие потери (среди погибших был и Багратион), но потери французов были не меньшими. С этого момента Кутузов оставался в обороне, по крайней мере до Красного, на полпути к границе, когда посчитал императорские войска легкой добычей. Тем временем Витгенштейн, прикрывавший небольшой армией Петербург, хорошо проявил себя. Хотя маршал Сен-Сир нанес ему несколько поражений, он оправился от них и осенью смог перейти в наступление и привести достаточные силы к Березине, чтобы внести свой вклад в разгром французов.

Теперь, с благословения царя, он получил возможность показать свое мастерство в открытом поле и с гораздо большими силами. С того момента, как он принял командование, русское наступление ускорилося, и самозванные освободители вскоре перешли Эльбу и заняли Дрезден, столицу короля Саксонии, сохранявшего верность Наполеону. Витгенштейну также представился шанс проявить свои таланты пропагандиста. «Немцы! – провозглашал один из его памфлетов. – Мы несем вам прусские порядки! Вы узнаете, что в Пруссии сын рабочего сидит рядом с сыном князя. Любое различие чинов меркнет перед великими идеями: король, свобода, честь, страна. Единственное, что нас различает, – талант и пыл, с каким мы стремимся в битву за общее дело!» Этот призыв, вышедший из-под пера человека, чей повелитель олицетворял самодержавие, и обращенный к людям, которых частенько гнали в бой палки унтеров, содержит в себе иронию, не ускользнувшую от историков. Однако он доказывает, что враги Наполеона научились у императора не только тактике боя. В течение всей последующей кампании аристократы, содрогавшиеся от ненависти при одном только слове «свобода», весьма широко пользовались им в своих пламенных обращениях к низшим сословиям. Люди, противостоявшие Наполеону в 1813-ми 1814 годах, не отличались либерализмом. Среди них, помимо царя и прусского короля, числился австрийский канцлер Меттерних, чья попытка перевести стрелки часов назад задержала социальное и политическое развитие Европы на два,

а кое-где и на четыре поколения, в то время как русские крепостные и через тридцать лет после того, как Наполеон лег в могилу, не были свободными даже на бумаге. Австрийские меньшинства подвергались притеснениям до 1918 года, и это способствовало развалу империи Габсбургов, а в Берлине еще в 1878 году проводились массовые аресты «за дурные слова о кайзере». Участь прусского крестьянина практически не улучшилась до конца столетия, а в то время, когда Бернадот обвинял своего бывшего благодетеля в деспотизме, французским пленным в Швеции приходилось слышать вопли шведских солдат, подвергавшихся жестоким наказаниям за ничтожные проступки*.

Когда битва была выиграна и Европа стала избавляться от этих сомнительных прозелитов идеи равенства, все стало по-другому. Больше никто не вел зажигающих речей о рабочих, стоящих плечом к плечу с князьями. (Хотя для подавляющего большинства людей, спасенных от «деспотизма», это было нормальное состояние.) Потребовались жестокие революции почти в каждой европейской столице, чтобы правители наделили своих подданных правами, которые у французов при Наполеоне за полвека до того считались привычными и естественными.

Однако пропаганда подействовала, и в казармы устремились добровольцы. В городах и селах русских встречали как освободителей. Повсюду рвали и сжигали трехцветные флаги. Среди своих подданных Фридрих Вильгельм единственный сомневался в исходе войны. Объявляя мобилизацию под нажимом Штайна, Блюхера, Шарнхорста и царя, он задумчиво произнес: «Ладно, господа, я вынужден следовать вашему курсу, но помните, если мы не победим, нас уничтожат!»

Был еще один известный немец, без особой уверенности глядевший в будущее. Поэт Гете, наблюдая, как его соотечественники берутся за оружие, заметил: «Трясите цепями сколько хотите; вам их все равно не разбить. Наполеон для вас слишком силен!» В конечном счете и король и поэт ошиблись, но в грядущие месяцы не раз и не два вожди коалиции спрашивали себя, не начали ли они войну из-за избытка оптимизма.

В Париже новые веяния среди немцев не остались незамеченными, так же как и провозглашаемые в памфлетах союзников обещания дать всем свободу. К решению пруссаков Наполеон отнесся философски. «Явный враг лучше сомнительного союзника», – сказал он, должно быть мысленно оценивая верность князьков, пресмыкавшихся перед ним последние десять лет. Дружба всех их, кроме одного, оказалась бесполезной, а в некоторых случаях оборачивалась предательством на поле боя. Склонность людей к ошибкам никогда не удивляла Наполеона, но за годы ссылки на острове Святой Елены он неоднократно вспоминал манифесты коалиции весны 1813 года и собственную неспособность внедрить социальные завоевания революции на покоренных территориях. «Если бы я даровал конституции всем, кто их желал, и отменил вассалитет, – сказал он, – люди бы удовлетворились, и вся борьба свелась бы к состязанию князей за верховенство».

Именно в этом лежала истинная причина его падения, ставшего бедой не только для него лично, но для и всей Европы. В 1813 году наследственные деспоты временно заговорили языком свободных людей. Если бы Наполеон делом подтвердил свое намерение модернизировать Европу к востоку от Рейна, ему бы пришлось сражаться не с патриотами, а с наемниками.

Глава 3

«Только необходимое...»

I

23 февраля 1813 года, диктуя памятную записку своему другу, обер-церемониймейстеру двора Дюроку, Наполеон безусловно доказал, что вынес ряд ценных уроков из катастроф 1812 года. «Я намереваюсь поступить со своим багажом совершенно иначе, чем в мою прошлую кампанию, – объявляет он. – Я желаю сильно сократить свою свиту, штат поваров и количество посуды – только необходимое; и не для того лишь, чтобы меньше думать об этом, но и чтобы подать пример войскам. И в бою и в походе рацион, включая мой собственный, будет состоять из супа, вареной говядины, жареного мяса и овощей без какого-либо десерта... Уменьшить в той же пропорции число кухонь, брать две кровати вместо четырех, две палатки вместо четырех и соответствующую обстановку».

Никогда в жизни Наполеон не предавался радостям застолья. Ни дома, ни в походе он не придавал значения земным благам, но сейчас, когда ставкой была его судьба, он урезал свои личные потребности до минимума, готовясь к грядущим лишениям. «Не унывайте, дружище, – сказал он своему потрясенному начальнику штаба Бертье, когда принялся за восстановление утраченного при московской катастрофе, – давайте сыграем итальянскую кампанию заново».

Он питал меньше иллюзий, чем его друзья и враги. Никто лучше его не осознавал чудовищных трудностей, с которыми Франция столкнется грядущей весной. Еще до того, как пришли новости о союзе России и Пруссии и о текущем положении в Испании, Наполеон понял, что кампания в Германии будет решающей и что на карте стоит не меньше, чем созданная им империя. Он мог точно оценить военные способности царя и короля Фридриха Вильгельма, силу армий Жозефа, сдерживающих наступление Веллингтона, и верность таких людей, как Мюрат и тесть Наполеона Франц Австрийский. Он бы не вел войны двадцать лет, не научившись уравнивать превосходящие силы боевым опытом, и во время бессонных ночей, проведенных в борьбе с многочисленными проблемами создания и оснащения трехсоттысячной армии, ему должно было стать очевидным, что жизненно важным фактором в грядущем противоборстве окажется время. На вызов русско-прусского союза следовало ответить немедленно, прежде чем колеблющиеся наберутся храбрости и встанут в ряды врагов империи, прежде чем Веллингтон одержит победу на Пиренеях и превратит застарелую испанскую болячку в смертельную рану, но в первую очередь – прежде чем европейские династии воспрянут духом после целого поколения поражений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.